

Тань Чжифэн был в полном смятении. Его рука неловко застыла в воздухе, всего в дюйме от лица мужчины. Он использовал последние остатки своей сегодняшней жалкой духовной силы, чтобы подавить бушующий внутри хаос. Одновременно он постарался отвести взгляд в сторону, убрал руку и тихо сказал: «Ты очнулся».

Мужчина хмыкнул и ответил: «Я уже давно очнулся, просто сил не было».

— Хе-хе, так, а когда ты очнулся? — Чжочжо осторожно подошла и помахала рукой у него перед глазами. — Голова не кружится? Ноги не болят? Сердце, печень, лёгкие — всё в порядке?

Мужчина медленно сел на полу и, уставившись на Чжочжо, сказал: «С того момента, как ты сказала: "оставить его в качестве чернорабочего, и денег ему платить не надо"».

Чжочжо сухо рассмеялась, бросила узелок и отошла. Тань Чжифэн же, всё ещё оцепенев, с тоской подумал, что и остальные её слова он тоже слышал.

Мужчина опустил взгляд на своё чистое тело и перевязанные раны, затем посмотрел на Тань Чжифэна, сидевшего рядом и погружённого в свои мысли, и спросил: «Это ты?»

Тань Чжифэн вздрогнул и удивлённо посмотрел на мужчину. Но в его взгляде он не увидел ни малейшего намёка на то, что тот его узнал. Внезапно он понял: мужчина имел в виду, что это он обработал ему раны. Ему стало неловко, и он тихо кашлянул: «...Да, но ты не обращай внимания, Чжочжо пошутила, нам не нужно, чтобы ты нас благодарил».

Молодой человек огляделся и понял, что находится на кухне таверны. Но интуиция подсказывала ему, что атмосфера в этом заведении какая-то странная. Внезапно появляющийся и исчезающий И-и вызывал у него подозрения, да и сумасбродная Чжочжо тоже была странной.

Он снова провёл рукой по лицу и перевёл взгляд на единственного оставшегося перед ним юношу. Юноша был бледным, чистым, с изящными и правильными чертами лица, но без каких-либо особых примет. Возможно, стоило отвернуться, и он бы его тут же забыл.

В этот момент Тань Чжифэн наконец набрался смелости, поднял голову и посмотрел ему в лицо. Их взгляды встретились, и молодой человек вздрогнул, неожиданно застыв.

Он был уверен, что никогда не видел этого человека, но ясные глаза юноши были так знакомы, словно они всколыхнули в глубине его души множество смутных, не принадлежащих ему обрывков воспоминаний, которые никак не складывались в цельную картину.

Внезапно ему стало трудно дышать, он не удержался, согнулся и сильно закашлялся.

Тань Чжифэн с тревогой смотрел на него. Но мужчина махнул рукой, показывая, что всё в порядке.

Сказав это, он снова посмотрел на Тань Чжифэна и добавил: «Спасибо тебе».

Одна из его рук, казалось, всё ещё плохо слушалась, поэтому Тань Чжифэн помог ему встать. Мужчина встряхнул узелок, который принесла Чжочжо, и достал оттуда такую же рваную, но относительно чистую короткую рубаху.

Тань Чжифэн хотел было уйти, чтобы оставить его одного переодеться, но, видя, что одна рука

у того никак не поддавалась, ему пришлось подойти, взять за рукав и помочь ему надеть рубаху, а затем и поправить её.

Видя, что Тань Чжифэн всё это время стоит с каменным лицом и молчит, мужчина подумал, что напугал его, и поэтому сказал более мягким тоном: «Не бойся».

Тань Чжифэн по-прежнему молчал. Мужчина тоже замолчал и лишь через некоторое время спросил: «Эта лавка недавно открылась? Кто хозяин?»

Тань Чжифэн открыл рот, но голос его немного охрип. Он прокашлялся и наконец ответил: «Я. Я и есть хозяин».

— М-м, — мужчина, казалось, был несколько рассеян, позволяя Тань Чжифэну одевать его, но его взгляд, несколько раз оторвавшись, всё же невольно возвращался к лицу Тань Чжифэна. — Ты... недавно переехал в Восточную столицу? Почему мне кажется... что я тебя точно видел.

Тань Чжифэн не знал, что ответить. Видя, что тот всё ещё с сомнением смотрит на него, он сказал: «Кайфын такой большой, может, где-то и встречались случайно».

Мужчина кивнул, вздохнул, порылся в своей рваной рубахе и достал маленький мешочек, в котором аккуратно лежала связка больших монет. Он протянул их Тань Чжифэну и сказал: «Сегодняшнее дело...»

— Мы ничего не скажем. Не беспокойтесь, господин, — Тань Чжифэн очень естественно и умело отказался от денег и тактично добавил.

— Нет, я просто хочу тебя поблагодарить, — мужчина начал приводить в порядок волосы и надевать платок. Тань Чжифэн краем глаза заметил, как три цветочных горшка в комнате — те, у кого были листья, шевелили листьями, а те, у кого не было, качали лепестками — все потянулись в их сторону.

Тань Чжифэн мысленно послал им предупреждение, но троица упорно продолжала вытягивать свои несуществующие шеи, пытаясь подслушать до конца.

Мужчина, казалось, не заметил этой необычной атмосферы. Он закончил приводить себя в порядок и, глядя на застывшего Тань Чжифэна, сказал: «Меня зовут Сюй Гань». Сказав это, он настойчиво протянул деньги Тань Чжифэну и, оглядевшись, спросил: «Я голоден, в лавке есть что-нибудь поесть?»

Тань Чжифэн пришёл в себя, подумал, не тронул деньги, а пошёл в заднюю часть комнаты, говоря на ходу: «Подождите немного, господин, я приготовлю вам миску супа с лапшой».

В этот момент он вспомнил свои слова. Сюй Гань, получается, его первый клиент.

Комната была разделена на переднюю и заднюю части наполовину стеной с очагом. Впереди было тихо, а сзади слышалось только, как Тань Чжифэн нарезает лапшу. Звук был лёгким и быстрым, и если слушать его долго, он, казалось, становился частью воздуха, смешиваясь с треском дров в стене, отчего становилось тепло и сонно.

Тань Чжифэн оглянулся: Сюй Гань сидел один у входа, о чём-то задумавшись.

Сюй Гань был погружён в свои мысли и совершенно не заметил, что за стойкой появилось трое. Чжочжо поставила перед ним чайную чашу с чёрной глазурью, и чайный венчик начал

легко взбивать чай, то ускоряясь, то замедляясь. Белая пена постепенно поднималась, и когда венчик убрали, на поверхности чая в чёрной чаше проявился рисунок: рыбка, играющая среди листьев лотоса.

Сюй Гань с удивлением поднял голову. Перед ним стояла девушка в тёмно-красной грубой рубахе, но с очень красивым и милым лицом. Она, улыбаясь, изогнув брови, спросила: «Сколько вам лет, господин? Где живёте? Кто у вас есть из родных?»

Красивый юноша за стойкой тоже поднял голову и с интересом спросил: «Ты так усердно работаешь, наверное, много зарабатываешь? Двести гуаней в месяц выходит?»

Он повернул голову и увидел, что напротив за столом сидит маленький мальчик с густыми бровями и большими глазами, который, уставившись на него, спросил: «Двести гуаней — это сколько? Двести гуаней — это больше, чем семьсот восемьдесят, нет, семь тысяч восемьсот вэней?»

«...»

Сюй Гань, очевидно, был человеком немногословным. Столкнувшись с таким потоком вопросов, он промолчал, но не выказал раздражения, словно обдумывал, как ответить.

В этот момент Тань Чжифэн принёс лапшу. Затем, держа в руках деревянный поднос, он, стоя спиной к Сюй Ганю, молча смотрел на троицу напротив. Его взгляд скользнул по стойке, стене, углам и остановился на цветочном горшке на стойке. Он протянул к нему руку.

Чжочжо вскрикнула «ай-ой!», и вокруг Сюй Ганя тут же воцарилась тишина. Тань Чжифэн удовлетворённо кивнул и направился на кухню, но Сюй Гань остановил его: «Хозя... хозяин!»

Тань Чжифэн обернулся, его брови слегка приподнялись, и он с недоумением посмотрел на Сюй Ганя. Встретившись с его взглядом, Сюй Гань, казалось, тоже немного занервничал. Он помолчал, глядя на место напротив себя, словно хотел, чтобы Тань Чжифэн сел с ним.

«Да иди же, Чжифэн, у тебя что, мозги отшибло?»

«Тань Чжифэн, что ты делаешь? Знаешь, у тебя сейчас на лице выражение "польщён и растерян". Просто безнадежен...»

«Почему он не ест? Может, ему не понравилось, и он не заплатит?»

Хотя Тань Чжифэн знал, что Сюй Гань не слышит этих слов, его голова уже кружилась от шума, доносившегося со всех сторон. Так больше продолжаться не может, подумал он. Когда этот человек уйдёт, нужно будет обязательно установить для них правила.

Тань Чжифэн медленно подошёл. Он не сел напротив Сюй Ганя, а поднял недоделанный пенёк с другой стороны и сел у стойки, недалеко от его стола.

Сюй Гань посмотрел на него, затем на суп с лапшой перед собой. Его выражение лица стало мягче, чем вначале, и Тань Чжифэн не удержался и осмелился посмотреть на него подольше.

Может ли это быть он? Брови и выражение лица Сюй Ганя были довольно суровыми, но когда он говорил с ним, Тань Чжифэну казалось, что он намеренно сдерживает эту отталкивающую ауру.

Сюй Гань не был похож на местного жителя. Что он здесь делает? Тань Чжифэн хотел его спросить, но не знал, с чего начать.

В этот момент Сюй Гань заговорил сам. «Очень вкусно», — сказал он. — «Как ты это приготовил?»

Тань Чжифэн не понял, почему Сюй Гань спрашивает его о рецепте супа с лапшой. Он попытался ответить: «...В лапше есть соевый соус, уксус, немного перца и молотый кунжут...»

Сюй Гань молча слушал, и Тань Чжифэну пришлось продолжать: «По идее, тесто для лапши нужно замешивать на бульоне из креветок, но у меня не было свежих креветок, поэтому я использовал отвар из грибов и побегов бамбука...»

Сюй Гань, казалось, внимательно прислушивался к вкусу. Он кивнул и сказал: «Лин-эр это понравится. В следующий раз я приведу его».

Сердце Тань Чжифэна ёкнуло, и он одновременно с тремя остальными спросил: «Лин-эр — это...»

Сюй Гань снова набрал полную ложку лапши. Ароматный пар окутал лицо Сюй Ганя, и оно стало расплывчатым, но Тань Чжифэн всё же смутно заметил, как в его взгляде появилась нежность. Когда пар рассеялся, он сказал: «Лин-эр — мой сын, ему четыре года».

В комнате воцарилась тишина. Тань Чжифэн помолчал немного и наконец набрался смелости спросить Сюй Ганя о его делах. Он подумал, что раз уж он его спас, то несколько вопросов не будут лишними.

Сюй Гань не возражал. Он ел суп с лапшой и постепенно отвечал. Ему двадцать лет, его отец — кузнец за Южными Воротами. С детства он был обручён с дочерью соседей, У-нян. В шестнадцать лет они поженились, У-нян родила ему Лин-эра, а сама умерла, оставив их вдвоём.

— Всё это... — Сюй Гань прищурился и медленно произнёс: — ...всё это мне рассказала соседка. Два года назад Лин-эр заболел, я возил его по врачам, по дороге и сам заболел, поднялась высокая температура, чуть дураком не стал. Очнувшись, с трудом вернулся в Кайфын, а прежнего ничего не помню. Хорошо хоть, жизнь сохранил...

Сюй Гань вдруг перевёл взгляд на лицо Тань Чжифэна, отчего сердце того ёкнуло. К счастью, Сюй Гань тут же опустил голову, помолчал и продолжил: «После всех этих лет скитаний в доме не осталось ни гроша. На любое дело нужен капитал, вот я и решил попробовать себя в цзюэди от безысходности».

Пока он говорил, миска с лапшой опустела. Тань Чжифэн, видя, как его усталое лицо наконец расслабилось и даже выражало некоторое удовлетворение, и сам почувствовал облегчение.

У него было ещё много вопросов, но тут снаружи послышались удары ночного сторожа, и он понял, что Южные Ворота скоро закроются.